

## Тюркский культурный мир России: локусы, проблемы и перспективы изучения

**Чимиза К. Ламажаа**

*Кабардино-Балкарский государственный университет, Российская Федерация;  
Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Республика Казахстан*



*В статье анализируются особенности и проблемы изучения тюркского культурного мира России в современной российской науке. Тюркский культурный мир — это больше, чем родственные языки, это пространство множества культур, имеющих общность в определенных основаниях: истоки истории, мифологии, фольклора, традиции литературы, этническое самосознания и ряд культурных традиций.*

*Тюркский культурный мир России является его локальной частью. Он сам состоит из локусов разных культурных миров, что заметно при применении методов культурной географии. Это лингвистический культурный ландшафт распространения тюркской языковой группы алтайской языковой семьи. Особенностью российских тюрков является тюркско-русский билингвизм. Общей характерной чертой их социокультурной жизни можно назвать историческую — общность истории. В религиозном плане тюркский культурный мир России насчитывает локусы исламского мира, буддийского и шаманистского, христианско-православного. Есть и целый ряд существенных отличий. При этом, современная, мозаичная тюркская культура демонстрирует наличие в культуре «ядра», т. е. глубинного внутреннего слоя, которое имеет относительно устойчивый характер.*

*Однако, для изучения ее необходимы определенные условия, возможности науки, ученых. Описываются проблемы российской науки в связи с этим: асимметрия, проблемы планирования и финансирования, проблемы региональных ученых-инсайдеров.*

*Предлагаются «сквозные» темы для того, чтобы оптимизировать исследовательские стратегии. В том числе предлагается использовать методологию концептуализации этнокультур, чтобы обсуждать концепты культур из «ядра» каждой культуры, общие для тюрков.*

**Ключевые слова:** тюркский язык; тюркская культура; культурный мир; тюрки; тюрки России; российская наука; асимметрия; ядро культуры; концепт культуры

---

*Исследование выполнено при финансовой поддержке внутреннего гранта КБГУ (договор № 43) в рамках программы «Приоритет 2030».*

---



**Для цитирования:**

Ламажаа Ч. К. Тюркский культурный мир России: локусы, проблемы и перспективы изучения // Новые исследования Тувы. 2025. № 3. С. 371-388. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.22>

---

**Ламажаа Чимиза Кудер-ооловна** — доктор философских наук, приглашенный профессор Кабардино-Балкарского государственного университета; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института тюркологии и алтаистики Казахского национального университета имени аль-Фараби. Адреса: Россия, г. Нальчик, 360004, ул. Чернышевского, д. 173; Казахстан, г. Алматы, 050000, пр. аль-Фараби, д. 71/27. Эл. адрес: lamazhaa@tuv.a.sia

---

**LAMAZHAA, Chimiza Kuder-oolovna**, Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Kabardino-Balkarian State University; Chief Researcher, Scientific Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Al-Farabi Kazakh National University. Postal addresses: 173 Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russia; 71/27 Al-Farabi Ave., Almaty, 050000, Kazakhstan. E-mail: lamazhaa@tuv.a.sia

[ORCID: 0000-0003-1813-3605](https://orcid.org/0000-0003-1813-3605)



## VOICES OF ASIA

Article

## The Turkic Cultural World of Russia: Loci, Problems, and Research Prospects

**Chimiza K. Lamazhaa**

*Kabardino-Balkarian State University, Russian Federation;  
Al-Farabi Kazakh National University, Republic of Kazakhstan*

*This article analyzes the characteristics and challenges of studying the Turkic cultural world of Russia in contemporary Russian scholarship. The Turkic cultural world is more than just related languages; it is a space of multiple cultures sharing common foundations: origins of history, mythology, folklore, literary traditions, ethnic self-awareness, and a range of cultural customs.*

*The Turkic cultural world of Russia represents a localized part of this broader space. It itself consists of loci of different cultural worlds, which becomes evident when applying methods of cultural geography. This is a linguistic cultural landscape of the spread of the Turkic language group within the Altaic language family. A distinctive feature of Russian Turkic peoples is Turkic-Russian bilingualism. A common characteristic of their sociocultural life can be described historically as a shared history. In religious terms, the Turkic cultural world of Russia includes loci of the Islamic world, Buddhist and shamanistic traditions, as well as Christian-Orthodox elements. There are also a few significant differences. At the same time, the contemporary mosaic Turkic culture demonstrates the presence within its culture of a “core”, i. e., a deep internal layer that has a relatively stable character.*

*However, certain conditions and scientific capabilities are necessary for its study. The article outlines issues facing Russian scholarship in this regard: asymmetry, challenges of planning and financing, problems encountered by regional insider scholars.*

*Cross-cutting thematic approaches are proposed to optimize research strategies. Among these, it is suggested to use the methodology of ethnocultural conceptualization to discuss cultural concepts from the “core” of each culture that are common among Turkic peoples.*

**Keywords:** *Turkic language; Turkic culture; cultural world; Turkic peoples; Turkic peoples of Russia; Russian science; asymmetry; cultural core; concept of culture*

---

### Financing

*The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU «Within the Priority 2030 program» (Agreement no. 43).*



### For citation:

Lamazhaa Ch. K. The Turkic Cultural World of Russia: Loci, Problems, and Research Prospects. *New Research of Tuva*, 2025, no. 3, pp. 371-388 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.22>

---

### Введение

На обширной территории Евразии более полутора тысяч лет назад существовало огромное государство, созданное объединением древних тюрков — тюркский каганат. Относительно быстро оно распалось, но его существование надолго определило мировую историю и продолжает жить до сих пор в наследии многочисленных народов, имеющих одну мифологию, одни древние легенды и до сих пор ощущающих определенную общность, говорящих на родственных языках. Современный тюркский мир не является однородным, не выступает как некое единство. Главным основанием его определения является языковой признак — принадлежность языка этноса к тюркской языковой семье. При этом, известно, что география проживания тюркских народов занимает обширные территории Евразии. Численность носителей тюркских языков во всем мире оценивается по-разному. Например,



по подсчетам российских исследователей, от 167 млн чел.<sup>1</sup> — до 180 млн чел.<sup>2</sup>, по мнению же турецкого ученого Дж. Томара и ряда других исследователей, эта цифра значительно больше — 300 млн чел.<sup>3</sup> Тюркоязычные народы проживают в Турции, Центральной Азии, Восточной Европе, России, Китае, Иране и др.

В России насчитывается 20 тюркоязычных этносов общей численностью около 15 млн чел.<sup>4</sup>, что составляет вторую группу населения страны после русскоязычных славянских этносов. Как известно, тюркская культура в силу исторических особенностей взаимодействовала с огромным числом культур и оказала разностороннее влияние на их развитие — и на русскую, на славянские в целом, на финно-угорские, на кавказские и пр. Именно ее наличие и определило евразийский характер российской цивилизации, о чем писали многие российские философы (см.: Евразийство: ключевые ... , 2007).

Надо сказать, что в исследованиях этнокультурного разнообразия России в отечественной науке в основе исследовательских интересов и подходов чаще всего лежит идея определенного соотношения русского «ядра» российской цивилизации и всего остального не-русского, что восходит к историческому опыту восприятия культурного разнообразия в стране, начиная от противопоставления «праведного христианского мира и языческого восприятия мира» с XI–XIII вв.<sup>5</sup> Соответственно в научном дискурсе распространены обсуждения в русле «русской парадигмы», когда основными терминами выступают «центр» и «периферия», русская культура и не-русские культуры, которые порой даже в наше время так и называют «туземными» культурами<sup>6</sup>.

Тем не менее, в ином ракурсе можно рассматривать российский мир не только как русско-православное ядро и многочисленные русско-ориентированные периферии, но и как множество культурных миров и переходных зон на границах к ним (Туровский, 1998: 81). То есть культурная мозаика страны имеет центрами тяготения не только условно говоря Москву, но другие центры притяжения культур по религиозным и языковым основаниям. Соответственно в этом ракурсе, гораздо менее популярном, центр и периферия могут менять свое положение, оказываться в самых разных положениях и соотношениях (Попков, Тюгашев, 2022).

Так, одним из интереснейших культурных миров внутри России, демонстрирующим саму сложность принципа культурного разнообразия, является тюркский культурный мир страны как часть мирового тюркского культурного мира. Его изучение в основном происходило и до сих пор происходит в русле развития отечественной тюркологии, известной углубленными исследованиями фонетики и грамматики тюркских языков. Причем сначала это было общее тюркологическое научное пространство бывшего Советского союза (Кононов, 1974; Благова, 2012), затем стало отдельной российской тюркологией, частью мировой (Насилов, 2009, и др.<sup>7</sup>). Но тем не менее, подчеркнем, что в поле внимания тюркологов не столько сам культурный мир, сколько языки — тюркские языки.

<sup>1</sup> Тюркские народы : информационные материалы к международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура». Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / авт.-сост. У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитриук. М.: РУДН, 2016. С. 4.

<sup>2</sup> Международная группа ученых создаст 3D-карту тюркского мира Большого Алтая [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2022, 18 августа. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/56680/> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>3</sup> Профессор Дженгиз Томар прокомментировал итоги VIII саммита Тюркского совета, организованного 12 ноября в Стамбуле [Электронный ресурс] // Anadolu Ajansı. 2021, 15 ноября. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/анализ-новостей/аналитика-от-тюркоязычных-стран-к-тюркским-государствам/2421283> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>4</sup> Международная группа ученых создаст ...

<sup>5</sup> Павильч А. А. Исторический опыт восприятия и изучения культурного разнообразия мира в России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XIII Международной научно-практической конференции «Регионы России: стратегии развития и механизмы реализации приоритетных национальных и региональных проектов и программ» : в 3 ч. / отв. ред. В. И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2022. Ч. 3. 584 с. С. 475–478.

<sup>6</sup> См.: Перепелкин Л. С., Размустова Т. О. Культурная политика и культурное разнообразие в современной России / Ориентиры культурной политики. Информационный выпуск. 2003. Вып. 6. [Электронный ресурс] // Российский комитет программы ЮНЕСКО «Информация для всех». URL: [https://ifapcom.ru/files/Monitoring/perepelkin\\_kult\\_pol\\_raznoobr.pdf](https://ifapcom.ru/files/Monitoring/perepelkin_kult_pol_raznoobr.pdf) (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>7</sup> Насилов Д. М. Российская тюркология наших дней: к смене научных парадигм // Языкознание, грамматика и обучение языку. Т. 3. Международный конгресс по изучению Азии и Северной Африки. Анкара, 2011. С. 117–1184.



Мы же считаем, что *тюркский культурный мир — это больше, чем языки*. «Культурный мир» мы понимаем не как пространство одной культуры, а как пространство множества культур, имеющих общность в определенных основаниях: истоков истории, мифологии, фольклора, традиций литературы, и этнического самосознания и ряда культурных традиций. Не единство, но общность. По данному проблемному полю работ в российской науке чрезвычайно мало, несмотря на многочисленные исследования отдельных культур, тюркологические конференции, научные мероприятия сборники научных работ, и даже научные журналы по тюркологии<sup>1</sup> и пр. То есть *каждая тюркоязычная культура исследуется, а общность культур — почти нет*. И этот парадокс обращает на себя внимание, поскольку в подобной работе существует и научная, и социальная потребность. Мое многолетнее общение с коллегами из самых разных тюркоязычных регионов показывает взаимный интерес друг к другу, к родственным культурам, но чаще всего носящий характер сожаления о невозможности, нереальности совместных планов.

Поэтому в данной статье я *проанализирую особенности и проблемы изучения тюркского культурного мира России в современной российской науке*<sup>2</sup>. Для этого в первую очередь обозначу географические и культурные поля — локусы тюркского мира России, которые входят в поле внимания научного знания о тюркском культурном мире страны, во-вторых, перечислю исследовательские проблемы данного поля, в-третьих, представлю несколько «сквозных» перспективных тем для изучения общности тюркского культурного мира.

Источниковая база данного исследования, которое выполняется как проблемное междисциплинарное, состоит из тематической российской научной литературы (публикаций разных типов: монографий, научных статей, тезисов докладов на конференциях, диссертаций), текстов официальных докладов, информации государственной статистики, а также из авторских наблюдений за организационной стороной научной деятельности в России и ее регионах.

### **Локусы тюркского мира России**

В первую очередь перечислю тюркоязычные этносы страны. Это: азербайджанцы, алтайцы, астраханские татары, балкарцы, башкиры, гагаузы, долганы, казахи, каракалпакцы, караимы, карачаевцы, кашкайцы, киргизы, крымские татары, крымчаки, кумандинцы, кумыки, нагайбаки, ногайцы, салары, сибирские татары, сойоты, татары (в т. ч. кряшены), телесы (теленгиты), телеуты, тофалары, тубалары, тувинцы, тувинцы-тоджинцы, турки, турки-месхетинцы, туркмены, узбеки, уйгуры, хакасы, челканцы, чувашаи, чулымцы, шорцы, якуты<sup>3</sup>. Их представители проживают на территории всей страны, в том числе компактно на территории нескольких административно-территориальных образований на Кавказе, на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке<sup>4</sup>.

Учитывая обширность территории, на которых проживают тюркские народы, на наш взгляд, чтобы обозреть эту территорию и разобраться в структуре этого культурного мира, необходимо применение методов культурной географии.

<sup>1</sup> Например: «Российская тюркология» (преемник «Советской тюркологии»), издается Институтом языковедения РАН; «Тюркологические исследования», издается Казанским (Приволжским) федеральным университетом; «Актуальные вопросы тюркологических и «Вестник тюркского мира», издаваемый с 2009 г. Дагестанским государственным педагогическим университетом. Проект «Большой Алтай» подготовил подборку информации о тюркологических журналах — не только российских, но и зарубежных, см.: Без названия [Электронный ресурс] // Большой Алтай. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/upload/iblock/ac3/Baza-dannykh-ZHurnaly-po-tyurkologii.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>2</sup> Тюркология, изучение тюркских языков, народов и их культур в зарубежной науке имеет свои особенности, которые необходимо рассматривать отдельно. См. напр.: Гатин М. С. Тюркология в университетах современной Германии // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 130–133; Салимова С. Р. Основные тюркологические исследования в XX–XXI вв. // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 188–193.

<sup>3</sup> Тюркские народы : информационные материалы к международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура». Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / авт.-сост. У. М. Бахтикиреева, О. А. Валикова, С. В. Дмитрюк. М.: РУДН, 2016. С. 5.

<sup>4</sup> М. Н. Губогло называет 11 титульных тюркских народов в России (Губогло, 2005: 29).



В этой дисциплине, развивающей в том числе культурно-ландшафтный подход (Sauer, 1925, 1927; Кабо, 1947; Туровский, 1998; и др.), специалисты говорят о культурных ландшафтах, в которых связаны воедино территория, природа и культура. При этом классификация культурных ландшафтов может производиться по разным основаниям, с помощью разных индикаторов. Так, ландшафты могут рассматриваться как этнические, лингвистические, религиозные, поселенческие, городские, промышленные, политические и пр. (Jordan, Rowntree, 1986).

Соответственно тюркский культурный ландшафт России, который в данной работе называется тюркским культурным миром<sup>1</sup>, — это в первую очередь *лингвистический культурный ландшафт распространения тюркской языковой группы алтайской языковой семьи* (Туровский, 1998: 37, 39) на территории страны, который сам при этом является частью мирового тюркского культурного ландшафта. Отличается он «наложением» другого лингвистического культурного ландшафта — территории распространения русского языка (Губогло, 2005). То есть *российские тюрки в основном — это билингвы*, говорящие как минимум на двух языках — одном из тюркских языков и русском, причем в разных вариантах первого и второго языков. Более того, М. Н. Губогло пишет о «неслыханных масштабах тюркско-русского двуязычия», которое не имеет по своим масштабам аналогов в мире: по итогам Всероссийской переписи 2002 г., подчеркивал автор, 95,5% представителей 4-х самых многочисленных титульных народов тюрков — татары, башкиры, чувашаи и якуты — владели русским языком и 91,4% — соответствующим языком своего этноса (там же: 18–19). То есть, «русский язык сегодня находится в ряду тех признаков, по которым тюркские народы интегрированы в социально-этническую ткань в Российском государстве более универсальными узлами, чем своей генетической принадлежностью к тюркской языковой группе алтайской семьи языков», — подчеркивает этнолог (там же: 19). И добавляет: «Этот выдающийся феномен нашего времени никоим образом не бросает разрушительную тень на состояние этнического самосознания тюркский народов» (там же)<sup>2</sup>.

Эта особенность российских тюрков сближает их с тюрками Центральной Азии — бывшими советскими республиками, в которых русский язык сохраняет важную роль в официальном и неофициальном общении, вследствие чего там также распространен тюркско-русский (или русско-тюркский) билингвизм. Впрочем, пишет М. Джусупов, он не является неким типичным билингвизмом, скорее русский язык в этом обширном регионе создал новые типы би- и полилингвизма (Джусупов, 2014).

Тем самым, мы можем говорить о двух главных общих характеристиках российских тюрков — лингвистических. Третьей *общей характерной чертой их социокультурной жизни можно назвать историческую — общность истории*, по крайней мере двух исторических периодов — начала, когда существовала культура предков современных тюрков, и современности — истории XX в., в том числе советизации, перехода к постсоветскому развитию.

Между двумя «концами» этого исторического процесса — несколько десятков веков, в течение которых единый народ разделился на этносы, ушедшие в разные стороны и в территориальном смысле, и в плане развития культур. Поэтому мы можем говорить о разнородности российских тюрков, о наличии в этой культурном мире локусов, отдельных частей, мест.

В том числе данный культурный мир стал не однороден с точки зрения принадлежности к религиозным ландшафтам. Если рассматривать российский тюркский мир как составную часть мирового тюркского мира, то в первую очередь культурная география отмечает его как входящий в исламский мир, но не целиком (там же: 85). В России к исламскому тюркскому миру относятся: волгоуральская область (татары, башкиры), сибирско-татарские районы, степные и предгорные районы Северного Кавказа (ногайцы, кумыки), горные районы Северного Кавказа (карачаевцы, балкарцы).

Одна территория тюркского мира оказалась под влиянием буддизма в тибетском варианте, которую они переняли через посредничество монголов. Речь идет о Туве и проживающих на ее территории тувинцах, тюркоязычных буддистах. Тем самым Тува как часть российского тюркского мира оказалась переходной зоной между тюркским и монгольским мирами, или в моем определении — «лимитрофной зоной» (Ламажаа, 2021).

<sup>1</sup> Отмечу, что в культурной географии понятие культурные миры может трактоваться по разному.

<sup>2</sup> Однако сами филологи усматривают противоречивый характер билингвизма в России коренных этносов, в том числе тюркоязычных (Боргоякова, Гусейнова, 2017).



Помимо тюрков мусульман и буддистов в России есть тюрки вне зоны влияния этих двух мировых религий. Они сохранились, как пишет Р. Ф. Туровский, как «своеобразные осколки древнего Тюркского мира»: алтайцы, шорцы, хакасы, телеуты в Саяно-Алтайской области, тофалары и чулымцы — на периферии Саяно-Алтайской области, якуты в особом реликтовом районе тюркского мира (Туровский, 1998: 89–90). Народы данной группы также придерживаются самобытных религий, например: бурханизма (алтайцы), веры Айыы (якуты), шаманизма (хакасы, шорцы, телеуты).

Среди тюркских народов есть принявшие православную религию — чувашаи Поволжья, который Р. Ф. Туровский рассматривает как вошедших в состав российского православно-христианского мира (там же: 91), а также кряшены (Севастьянов, 2023).

То есть *тюркский культурный мир России в религиозном аспекте насчитывает локусы исламского мира, буддийского и шаманистского, христианско-православного.*

Можно говорить также и о существенных различиях между культурами тюрков, живущими в Сибири и в Европе. И они заключаются, как пишет Н. М. Мамедов, не только в различиях вероисповедания, но и в особенностях окружающей их природной, социальной, культурной среды (Мамедов, 2007: 152). Есть отличия и в численности народов, в ее динамике (Губогло, 2005: 29–33), а также в пропорциях между городским и сельским населением (там же: 41–44).

Эти различия, их постоянные изменения, в том числе их рост, не могли не наложить отпечаток и на феномен национального самосознания, национального характера народов (Ламажаа, 2018), а также отношение тюрков не только к другим народам в целом, но и взаимоотношения между тюркскими народами.

Тем не менее, Н. М. Мамедов также считает, что единство культур (в нашей трактовке — общность) тюркоязычных народов сохраняется благодаря глубинным основам тюркской культуры, ее архетипическому ядру, общей языковой базе, первоначальной единой религии тюрков — тенгрианству, схожести мифов, народных эпосов (Райхл, 2008), сохранившихся ритуалов и традиций (Мамедов, 2017: 152), а также — добавим: общему культурному наследию в виде древнетюркской письменности. Тем самым Н. М. Мамедов подчеркивает, и я соглашусь с его мнением, что *современная, мозаичная тюркская культура демонстрирует наличие в культуре «ядра», т. е. глубинного внутреннего слоя, которое имеет относительно устойчивый характер* (там же: 153–154). И именно этот слой, его понимание людьми, представителями тюркских этносов, позволяет говорить о том, что мы видим определенный культурный мир.

Подчеркнем, что мы говорим о культурном мире, а не об объединяющей идеологии тюркских народов, которая носит название тюркизма или пантюркизма. Несмотря на наличие и нейтральных определений тюркизма как движения культурного единства тюркских народов и пр.<sup>1</sup>, тем не менее мы предпочитаем вести дискурс максимально далекий от идеологических, политических коннотаций.

### **Исследовательские проблемы**

Итак, мы имеем интереснейший, сложнейший объект или поле для научных исследований. Однако, тюркский мир продолжает изучаться в основном, как уже было сказано, с лингвистической стороны тюркологами — филологами, то есть практически не как культурный мир, а как языковая группа (Насилов, 2009).

По тому же принципу — как изучение группы (тюркских этносов), а не как культурный мир — вопросы ставятся и решаются и в главном научном этнологическом центре — Институте этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (ведущем свою историю от Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР, созданного в 1933 г.). Например, результаты данных исследований выходили и продолжают выходить в серии «Народы и культуры», которая издается с 1992 г.<sup>2</sup> В том числе, например, в 2014 г. коллектив Института этнологии и антропологии РАН под руко-

<sup>1</sup> См. напр.: Гилязов И. Тюркизм: становление и развитие (характеристика основных этапов): учебное пособие для студентов-тюркологов. Казань, 2002. С. 5–6.

<sup>2</sup> Серия «Народы и культуры» [Электронный ресурс] // Институт этнологии и антропологии РАН. 2024, 28 августа. URL: <https://iea-ras.ru/?p=15359> (дата обращения: 12.03.2025).



водством В. А. Тишкова работал над проектом «Тюркские народы России и сопредельных государств» при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)<sup>1</sup>. Результатом проекта стали монографии, посвященные отдельным тюркским этносам: «Карачаевцы. Балкарцы» (Карачаевцы. Балкарцы, 2014), «Башкиры» (Башкиры, 2015), «Кыргызы» (Кыргызы, 2016), «Азербайджанцы» (Азербайджанцы, 2017), «Чуваши» (Чуваши, 2017).

Как этнокультурный мир общность тюрков остается «неподъемным» проблемным узлом для научного знания. Именно об этом писал М. Н. Губогло, один из ведущих отечественных этнологов: «вот уже несколько поколений в отечественной этнологии не ставятся вопросы и не разрабатываются проекты со сквозной проблематикой, посвященной изучению тюркоязычных народов России» (Губогло, 2005: 12). Этот феномен он назвал «*тюркологическим вакуумом*» в российской этнологии.

В истории отечественной науки подобные проекты, по мнению Губогло, реализовывались только в 1920-е гг. академиком В. В. Бартольд (Бартольд, 1968, 2002), поскольку, считает автор, этот интерес был связан с теми глубокими социальными трансформациями, которые переживали тюркские народы новообразованного СССР (Губогло, 2005: 13). Правда, надо полагать, что причина была не только в объективных условиях, но и в субъективном интересе и личных возможностях блестящего, эрудированного исследователя, который интересовался очень широким кругом вопросов и которого коллеги справедливо называли «выдающимся востоковедом» (Акрамов, 1963). В начале XXI в. М. Н. Губогло пишет о новой актуальности изучения тюркских народов в контексте евразийского пространства, сходств и различий народов, ныне разделенных границами. Тем не менее, ученый скорее констатировал проблемы изучения, чем реальные перспективы (там же: 14–15).

*Действительно, несмотря на наличие многослойного, многозначного, мозаичного объекта для исследований — тюркского мира России, помимо исследовательских проблем, почти непреодолимые препятствия для работы ученых создают политические, финансовые и организационные факторы.*

Во-первых, исследования культурной мозаики страны по большей части определены государственным заказом и соответствующим финансированием. Понятно, что российские государственные программы научных проектов поддерживали и будут поддерживать прежде всего исследования, направленные на консолидацию всего российского общества, формирование и укрепление российской нации, национального единства и пр. (типа: Российская нация ... , 2011; Тишков, 2013; Этническое и религиозное ... , 2017; и др.), и в этом смысле изучение отдельных тюркских проблем часто решает задачи мониторинга межэтнических конфликтов и предупреждения любых этнонационалистических движений, в том числе связывающих этнические процессы внутри страны с некоторыми этнополитическими центрами влияния за ее пределами (напр.: Червонная, 1999).

Во-вторых, для выполнения научных программ нужны исследователи с их интересами, возможностями коллабораций. Данный аспект позволяет вспомнить о том, что российская наука фактически делится на ученых центральных научных учреждений и ученых из регионов (так называемых «региональных»)<sup>2</sup>. И даже если ученые из регионов поднимают вопросы о необходимости не просто исследований, но программ по развитию тюркского культурного мира, их коллеги из столичных центров не только не поддерживают их, но даже могут осуждать их.

Особенно острой ситуация была в начале 1990-х гг. Вспомним статью А. А. Ткаченко 1996 г. в журнале «Этнографическое обозрение» (Ткаченко, 1996), в которой автор выразил решительное несогласие с инициативой коллектива из Башкирского государственного университета 1995 г. по поводу проекта концепции государственной программы «Возрождение и развитие тюркских народов»<sup>3</sup>. Автор подчеркнул: «Мы не можем считать идею программы “возрождения” тюркских народов плодотворной в принципе» (там же: 65). По его мнению, «возрождают нечто разрушенное, загубленное, исчезнувшее, а оценка социально-демографического и этнокультурного развития абсолютного боль-

<sup>1</sup> Тюркские народы России и сопредельных государств. Карточка проекта [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53784536> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>2</sup> Lamazhaa Ch. K. Russian Regional Science in an Asymmetric System [Электронный ресурс] // The Russia Program. URL: [https://therussiaipogram.org/regional\\_science](https://therussiaipogram.org/regional_science) (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>3</sup> Государственная программа Российской Федерации «Возрождение и развитие тюркских народов». Проект. Раздел 2 «Управленческая деятельность и практические меры по возрождению и развитию тюркских народов / редколлегия: Л. Н. Белина и др. Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике. М., 1995.



шинства народов тюркской группы алтайской языковой семьи объективно не позволяет сделать подобный вывод» (там же). «Кроме того, — писал он, — нам представляется неплодотворной сама идея межрегиональных программ по принципу принадлежности к языковой группе: славянской, монгольской или иной» (там же). Различия, которые он видит, между тюркскими народами требуют прежде всего автономного решения, соответственно и программы (и исследования) предполагаются оформлять подпрограммами (там же)<sup>1</sup>.

В этом же русле российская наука и продолжает работать, с тех пор фактически разделившись на два относительно автономных поля. На первом общероссийском поле тон полностью задают руководители федеральных научных программ, на втором — на отдельных участках — работают региональные ученые, которые следуют социальному заказу региональных сообществ, интересам культуры своего региона при поддержке региональных бюджетов и отдельных грантов.

Некоторыми исключениями можно назвать исследовательские программы, которые имеют федеральную поддержку, но носят локальный характер, не претендуя на охват всего культурного мира (например, проект «Тюркский мир Большого Алтая»<sup>2</sup>, который нацелен на изучение территории соседних стран — Монголии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, основываясь на идее связи тюркских народов с территорией Большого Алтая).

При этом изучение тюркоязычных этносов и их культур проводится в основном разрозненно, силами отдельных научных центров, институтов и исследователей, в том числе из соответствующих регионов<sup>3</sup>. Подавляющее число исследователей являются учеными-инсайдерами — представителями этих же этносов, что придает их работе характер глубокой заинтересованности, соотнесения с собственной идентичностью, сопряжения с задачами сохранения собственного культурного наследия. Если просмотреть фамилии авторов публикаций о тюркской культуре, о важности ее изучения, то практически все они будут представителями тюркоязычных культур. Даже если это ученые — сотрудники научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга. Тот же упомянутый выше видный отечественный этнолог М. Н. Губогло — гагауз по этнической принадлежности.

На этом фоне автономным, почти маргинальным для российской науки выглядит исследовательское поле изучения тенгрианства — древнейшей религиозной системы тюркских народов, несмотря на то, что ее факт был признан авторитетными отечественными тюркологами, в частности И. В. Стеблевой, Л. П. Потаповым, С. Г. Кляшторным (Стеблева, 1972; Потапов, 1978; Кляшторный, 1981). В последние годы это поле под названием «тенгриведение» развивается почти исключительно на энтузиазме ученых из тюркоязычных регионов, так же как и создание и регистрация тенгрианских организаций активистами (Федорова, 2017). С 2007 г. движение приобрело некий общий характер, благодаря в том числе работе зарегистрированного в 2011 г. Международного фонда исследования Тенгри

<sup>1</sup> Справедливости ради надо сделать уточнение по поводу проекта этой концепции «Возрождение и развитие тюркских народов» 1995 г. Он не был единственным в российском общественно-политическом и академическом дискурсе. Тема возрождений народов страны была поднята, начиная с первого Сенежского форума движения «Сотрудничество народов мира во имя жизни» в 1992 г., когда стартовали обсуждения вопросов возрождения народов и даже групп народов (русских, финно-угорских). После этого при поддержке Министерства РФ по делам национальностей и региональной политики (в период руководства его В. А. Михайлова) в Башкортостане и была разработана данная концепция (под руководством д-ра филос. н. Дж. М. Гилязитдинова) на 10 лет с 1995 по 2005 г. Как указано в издании проекта, основанием для разработки Программы является Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 1994 г. 673-р (см.: Государственная программа Российской Федерации «Возрождение и развитие тюркских народов». Раздел 2. Управленческая деятельность и практические меры по возрождению тюркских народов. Проект / Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике. М., 1995. С. 3). После долгих обсуждений она в итоге не была принята, как впрочем и другие подобные концепции.

<sup>2</sup> Большой Алтай. Международный научно-образовательный центр алтаистики и тюркологии. Главная страница [Электронный ресурс] // НОЦ «Большой Алтай», Алтайский государственный университет. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>3</sup> См. список, который составили участники проекта «Большой Алтай»: Академические и научно-образовательные центры по тюркологии и алтаистики. 1. Академические центры по тюркологии и алтаистики России и государств Центральной Азии [Электронный ресурс] // НОЦ «Большой Алтай», Алтайский государственный университет. URL: <https://bolshoy-altay.asu.ru/upload/iblock/de9/z7rwpw3qkdxlvuf8qm9cfh3rvs2lhszf/Osnovnyetyurkologicheskie-tsentry-Rossii-i-gosudarstv-TSentralnoy-Azii.pdf> (дата обращения: 12.03.2025).



в Якутии<sup>1</sup> (Федорова, 2023). Данная организация позволила российским — региональным — ученым начать сотрудничество и проводить международные конференции с коллегами из тюркоязычных стран СНГ, а также Монголии. С тех пор количество проведенных научных форумов фонда уже достигло девяти (девятая — состоялась в Монголии в 2023 г.<sup>2</sup>), по итогам каждой из них выпущены сборники материалов; также стали активно выходить и индивидуальные работы (статьи, монографии) отдельных авторов<sup>3</sup>.

В целом отметим явное смещение тюркологической проблематики в научный дискурс Центральной Азии, в страны бывшего СССР (прежде всего в Казахстан, см.: Закиев, 2011<sup>4</sup>; Тюркские языки..., 2012, 2015; Абжанов, 2015; Аязбеков, 2023; и мн. др.), что объясняется также государственным «заказом» — поиском бывшими советскими республиками собственных устойчивых идей, формированием идейно-ценностных нарративов (Аватков, 2019). Меры, которые предпринимает Турция для объединения тюркских народов и культур (Аббасов, 2017), рассматриваются обычно как геополитические, связанные с намерениями по усилению своего влияния в тюркоязычных странах бывшего СССР (Аватков, 2014; и др.).

При этом сами научные организации тюркоязычных стран по отдельному претендуют на лидерство в научной отрасли. Достаточно взглянуть на появление журналов со словом «тюркология» в названии, которые стали издаваться в странах СНГ, не говоря уже о Турции. Например, Международный центр ISSN (<https://portal.issn.org/>), регистрирующий сериальные научные издания по всему миру, насчитывает тюркологических названий (с корнем *turk*) — 478 (данные поискового запроса на 3 апреля 2025 г.). Из них 432 — издания Турции, 5 — Азербайджана, 3 — Казахстана и др.<sup>5</sup>

Общая тенденция привела к повороту внимания, интересов региональных ученых России к этим центрам, тем самым усиливая итак исторически сложившуюся асимметричность системы российской науки<sup>6</sup>.

Данным фактом также можно объяснить проведение в последние годы мероприятий тюркологической проблематики в Российском университете дружбы народов (конференций с выпуском сборников материалов<sup>7</sup>, других изданий). Во-первых, филологи РУДН (Г. П. Мельников, создатель системно-типологической концепции языка, и его ученики: У. М. Бахтикиреева, О. И. Валентинова и др.) разрабатывают проблемы языкознания, позволяющие сравнивать русский язык с тюркскими и другими языками (Мельников, 2003; Бахтикиреева, Валентинова, Рыбков, 2019; Бахтикиреева, Валентинова, 2022; и др.), во-вторых, международное сотрудничество, в том числе со странами СНГ, является традиционно важным направлением деятельности университета. И, как уже было сказано, тюркология остается важным направлением в филологических центрах страны (Институт языкознания РАН, Институт стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова и др.), в трудах ведущих отечественных тюркологов (О. А. Мудрак, И. В. Кормушин, А. В. Дыбо, З. Н. Экба и др.). В основном они работают при научно-координационном органе — Российском комитете тюркологов, который издает журнал «Российская тюркология».

Возвращаясь к региональным ученым, добавлю. При всех плюсах работы заинтересованных ученых-инсайдеров, которые имеют свои локальные «ниши», у них есть также и существенные ми-

<sup>1</sup> Международный фонд исследования Тенгри. Главная страница [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>2</sup> IX-я конференция [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/konferencii/ix-konferenciya> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>3</sup> Библиотека МФИТ [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/biblioteka> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>4</sup> Уточним, что данная монография, изданная в г. Астана, написана российским ученым из Татарстана М. З. Закиевым (1928–2023).

<sup>5</sup> Среди стран издателей тюркологических журналов есть и европейские страны (Германия, Франция, Бельгия), но детальное изучение карточек этих изданий показывает их неактивность, отсутствие обновлений данных с начала 2000-х гг.

<sup>6</sup> Lamazhaa Ch. K. Russian Regional Science in an Asymmetric System [Электронный ресурс] // The Russia Programm. URL: [https://therussiaprogramm.org/regional\\_science](https://therussiaprogramm.org/regional_science) (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>7</sup> Напр.: Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура = Contemporary problems of Turkology: language — literature — culture [Текст] = Contemporary problems of Turkology: language — literature — culture: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, РУДН, 17–18 ноября 2016 г. / сост. У. М. Бахтикиреева, Н. М. Джусупов, С. В. Дмитрюк. М.: Издательство РУДН, 2016; и др.



нусы, по крайней мере у многих авторов — помимо превосходного знания родного тюркского языка и своей культуры, к сожалению, они мало или почти ничего не знают о других тюркоязычных культурах, несмотря на образование и профессиональную подготовку. Свою роль стала играть и современная информационная перенасыщенность, когда ученые, так же как и все люди, буквально тонут в ежедневном потоке новостей, информации о публикациях разных источников. Плюс к этому следует учитывать проблемы учебной и отчетной работы преподавательских кадров высших учебных заведений. В этих сложнейших условиях каждый выбирает тактику изучения только своего узкого поля изданий, авторов, тем, и то часто — для конкретных задач, а не для постоянного отслеживания научных новинок. Это приводит к снижению интереса к сравнительным исследованиям и, как следствие — к обеднению собственного взгляда на свою культуру.

Полагаю, для того, чтобы исследователи тюркских культур могли преодолеть эти недостатки, в первую очередь им необходимо и знать общие вопросы тюркского культурного мира, и рассматривать их в перспективе евразийского культурного мира (большое видится на расстоянии!), а также периодически выходить за пределы своих научных дисциплин, обращать внимание на «сквозные» проблематики (в терминологии Губогло). То есть необходимо проявлять больше интереса и к окружающему миру, чем только к своей культуре. Подчеркнем, речь идет об исследованиях поля культурного единства и разнообразия — традиционного поля российского научного знания (Ламажаа, 2020).

### **«Сквозные» темы**

Разумеется, исследования отдельных тюркских культур в России вкупе с тюркологическими языковедческими направлениями представляют собой широчайшее поле работ, публикаций самых разных жанров. Поэтому, их обзор — это отдельная сложная задача, требующая и соответствующей постановки цели, и особого плана, и итоговой формы для результатов.

Несмотря на то, что мы утверждаем, вслед за многими нашими коллегами из региональных научных центров, что тюркский культурный мир — реален и он может и должен изучаться, его разнообразие, сложный состав не позволяют рассматривать как единый исследовательский объект. И, на наш взгляд, создание некоей научной дисциплины, типа «адекватной тюркологии», как пишут В. Г. Керимли и Н. В. Гайбурова (Керимли, Гайбурова, 2020: 36), так же как и «общетюркского языка»<sup>1</sup> — это утопичные идеи. Скорее речь может идти об общем исследовательском поле со «сквозными» темами.

Помимо традиционных объектов культурологии, этнографии, фольклористики (культурогенеза, эпоса, мифологии, архаических традиций и пр.), «сквозными» темами могут быть исследования «ядра» тюркской культуры и его элементов, которые отражаются и в современной лингвокультуре в виде концептов и позволяют людям понимать не просто идеи своей этнической тюркоязычной культуры, но и надэтнической общности культуры более общего порядка, как представители тюркской культуры.

Отдельно поясню тезис по поводу этих концептов. Речь не идет об общей терминологии, о совпадении терминов, их семантики. За много веков развития тюркских языков, в том числе заимствований от языков самых разных групп и семей, терминология стала различаться. Сегодня тюркоязычные народы могут не понимать друг друга, настолько стали различны языки и диалекты. Для того, чтобы для современных людей «ожили» смыслы тюркской общности, концепты лингвокультуры должны связывать их с богатым прошлым культуры. То есть это должны быть не все концепты современных лингвокультур, а архаические версии, которые выражают древнюю картину мира — предков современных тюрков. Они до сих пор присутствуют в живом языке, в литературных текстах. В корне многих сразу улавливаются этимологические связи с древнетюркским языком, а в модификациях можно отметить исторические особенности развития лингвокультуры.

<sup>1</sup> См.: Абдуллаев С. Н. Тюркский лингва-туризм: к постановке проблемы // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 246.



В качестве примера можно привести концепт *Тенгри*. В древнетюркском языке для обозначения неба было два термина *kök*<sup>1</sup> и *täŋri*<sup>2</sup>, причем в рунических текстах они выступали вместе *kök täŋri*. Лексема *kök* передавала характеристики «голубой» / «синий» / «сизый», а также «свободный, вольный»<sup>3</sup>, и была синонимом понимания неба; *täŋri* означало и небо, и бога, божество<sup>4</sup>. Помимо этого в древнетюркском языке были и другие лексемы, и это богатство, по мнению С. Г. Кляшторного, означало, что уже в то время «сложилось представление о нескольких небесных сферах или, по крайней мере, о двух — “высоком небе” и “ближнем небе»» (Кляшторный, 1981: 121). В современных тюркских языках это привело к тому, что лексика ближнего неба как части космоса стала существенно различаться: турец. *gökyüzü* или *gök*, татар. *күк* (*kük*), башкир. *күк* (*kük*), карач.-балк., кумык. *кёк*, ног. *кoкк*, казах. *аспан*, кирг. — *асман*, хакас. *пуг*, шорск. *пуч*, якут. (саха) *түн* (*tün*), тув. *дээр*, балкар. *mlayv*. Однако, название верховного божества Тенгри и его почитание остались почти у всех тюрков (Фахриева, Давлетшина, 2021; Шаманов, 1982; и др.<sup>5</sup>).

Тем самым мы можем назвать концепт *Тенгри* архаическим общим концептом тюркской лингвокультурологии, который продолжает определять картину мира большинства современных тюркских лингвокультур, то есть делать реальным существование тюркского культурного мира. Об этом говорят и примеры возрождения тенгрианства в регионах Евразии, и современные исследования этого процесса, представленные в сборниках материалов «Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность»<sup>6</sup>, и сам факт развития тенгриведения, о чем мы упомянули выше.

В основном исследователи говорят о возрождении тенгрианства (тенгризма, тэнгрианства) как религиозного учения (Федорова, 2017), пишут о религиозных культурах, изучают религиозные движения и организации. Тем не менее, встречаются и работы, посвященные присутствию соответствующего концепта лингвокультуры, что означает обсуждение и термина в языке, и отражение его в мышлении, а также в социальных, культурных практиках: у туркмен<sup>7</sup>, у якут<sup>8</sup>, у казахов (Кабжанов, 2019) и др.<sup>9</sup> В целом, исследователи могут говорить о том, что приверженность (провозглашение, декларация) тенгрианству становится маркером новой этничности<sup>10</sup>. Хотя если учитывать этническое разнообразие, то следует понимать это не как одну этничность, а скорее — надэтничность, принадлежность к культурному миру.

Исследование в русле концептуализации этнокультур будет более богатым, полным, соответствующим тому, как и чем живет культура, если оно будет выполняться не в пределах отдельных, конкретных научных дисциплин (этнографии, фольклористики, культурологии, лингвистики и пр.), а будет междисциплинарным. Для того, чтобы понимать «живой пульс» культур, надо использовать разные научные методы, а не замыкаться в дисциплинарных рамках. Подобный междисциплинарный подход, который мы уже предложили (Ламажаа, 2023), реализовали (Тувинцы. Родные ... , 2022; Тува. Родная ... , 2023; Ламажаа, Каиржанова, 2025; также см. карточку завершеного проекта при

<sup>1</sup> Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. М.: Наука, 1969. С. 312.

<sup>2</sup> Там же. С. 544.

<sup>3</sup> Там же. С. 312.

<sup>4</sup> Там же. С. 544.

<sup>5</sup> Абдрасулов С. М. К вопросу прочтения этимологии теонима Тенгри [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/k-voprosu-prochteniya-etimologii-teonima-tengri.html> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>6</sup> Конференции [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/konferencii> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>7</sup> Соегов М. О некоторых формах проявления древнего тенгрианства у современных туркмен // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: IV Международная научно-практическая конференция. 9–10 октября, г. Улан-Батор, Монголия, 2013. С. 151–156.

<sup>8</sup> Матвеева В. Современное состояние и проблемы изучения тенгрианства в аспекте мировоззренческой культуры саха // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность: IV Международная научно-практическая конференция. 9–10 октября, г. Улан-Батор, Монголия, 2013. С. 253–259.

<sup>9</sup> Алиева К. М. Современные ценностные ориентиры и понимание Тенгри [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/sovremennyye-cennostnye-orientiry-i-ponimanie-tengri.html> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>10</sup> Анжиганова Л. В., Топоева М. В. Тенгрианство как маркер «Новой этничности»: региональный контекст [Электронный ресурс] // Международный фонд исследования Тенгри. URL: <https://tengrifund.ru/tengriantstvo-kak-marker.html> (дата обращения: 12.03.2025).



поддержке Российского научного фонда<sup>1</sup>), был уже оценен нашими коллегами как успешный опыт (Попков, 2023). Он позволяет не просто говорить о некоей сфере религиозной жизни, культов и пр., а изучать основания всей культурной жизни во всем ее богатстве (тезаурусе) смыслов.

Почему это важно и интересно? То чувство общности, которое сохраняют представители тюркских народов, тюркского культурного мира, периодически проявляется в их единстве по отношению к определенным культурным фактам, которые понятны и приятны для них всех. Возьмем этническую музыку и песни. В марте 2025 г. в социальных сетях распространилась песня *Нотай* башкирской группы *Ay Yola*, которая сразу стала популярной на территории СНГ среди тюркоязычных слушателей<sup>2</sup>. В песне поется о мифическом образе *Хумай* (*Кумай*, *Qumai*) из древнего башкирского эпоса «Урал-батыр». Песню тепло встретили в Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Турции и других тюркоязычных странах, регионах. Эта популярность вознесла трек на вершины мировых чартов и заставила писать о песне разные СМИ. В многочисленных комментариях к «завирусившимся» видеороликам пользователи оставляли мнения, подчеркивая тюркскую идентичность, которую затронула песня, и ее слова в первую очередь.

Такие примеры показывают, что «тюркскость» не ограничивается простой языковой близостью и религиозными воззрениями, она может выражаться в концептах лингвокультур, причем поднимающих явно архаические пласты культурной памяти. Именно поэтому мы считаем, что одной из важнейших «сквозных» тем может быть исследование концептов культур.

Однако, надо сказать, что концептологическое направление в российской науке (в лингвокультурологии) и даже в науке постсоветского пространства за последние годы заметно само «русифицировалось». Несмотря на то, что концепт специалистами однозначно понимается в первую очередь как языковой термин — термин конкретного языка, выражающий определенную культурную информацию (Вежбицкая, 2011), тем не менее нередко российские ученые, которые занимаются тюркскими культурами, т. к. как я уже упомянула выше — ученые-инсайдеры, концепты эти именуют в русских терминах<sup>3</sup>. Мне уже приходилось писать об этой типической методологической ошибке (Ламажаа, 2023: 8–12).

Поэтому недостаточно определить научные направления «сквозных» тем. Для интересных межкультурных исследований необходима работа междисциплинарная, в сотрудничестве и взаимной проверке разными специалистами. Однако, и это отдельная организационная и методологическая проблема ученых, привыкших работать в рамках монодисциплин (Проблема междисциплинарности ..., 2016).

## Заключение

Таким образом, анализ особенностей и проблем изучения тюркского культурного мира России в современной российской науке показал следующее.

Несмотря на то, что тюрки изучаются прежде всего как представители одной языковой группы, автор утверждает, что тюркский культурный мир — это больше, чем языки; это пространство множества культур, имеющих общее в основании.

<sup>1</sup> Карточка проекта фундаментальных и поисковых научных исследований, поддержанного Российским научным фондом [Электронный ресурс] // Российский научный фонд. URL: <https://rscf.ru/project/21-18-00246/> (дата обращения: 12.03.2025).

<sup>2</sup> Красюк А. Новая «Пыяла»? Как все сошли с ума по песне башкирской фолк-группы *Ay Yola* [Электронный ресурс] // Афиша. 2025, 26 марта. URL: <https://daily.afisha.ru/infoporn/29093-novaya-pyyala-kak-vse-soshli-s-uma-po-pesne-bashkirskoy-folk-gruppu-ay-yola/> (дата обращения: 27.03.2025).

<sup>3</sup> Например, Г. Х. Бухарова, анализируя башкирский народный эпос «Урал-Батыр», рассматривает в нем такие «базовые концепты эпоса», как: «*Душа*, *Сердце*, *Кровь*, базовые оппозиции культуры и языка, такие как *Жизнь и Смерть*, *Добро и Зло*, *Человек и Природа* и т. д.». См.: Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивый и концептуальный анализ : автореф. дисс. ... д-ра филол. н. Уфа, 2009. С. 6. Этот же подход перенесен в монографию автора (Бухарова, 2010). Другой пример: филолог из Кыргызстана З. М. Дербиева, несмотря на то, что пишет об этнокультурной специфике концептов, тем не менее полагает, что среди них есть те, которые имеют универсальную природу, в том числе «время», «счастье», «любовь»: Дербиева З. К. Этноментальная специфика концептуализации // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык — литература — культура», 17–18 ноября 2016 года, г. Москва / сост.: У. М. Бахтикиреева и др. М.: Издательство РУДН, 2016. С. 440–444.



Безусловно, рассмотрение тюркского культурного мира методами культурной географии может показать значительную мозаичность культур, в том числе представляющих разные религии. Тем не менее есть и исторические параллели, общий тюрко-русский билингвизм. Но помимо этого даже современные представители тюркских культур демонстрируют в лингвокультуре и менталитете наличие в культуре «ядра», т. е. глубинного внутреннего слоя, которое имеет относительно устойчивый характер.

Для изучения этой общности необходимы определенные условия, возможности науки, ученых. И хотя у российской науки в целом есть целый ряд институциональных и прочих проблем, тем не менее, даже в этих условиях можно обнаружить «сквозные» темы для того, чтобы оптимизировать исследовательские стратегии и реализовать то, в чем нуждаются как сами этносы, так и их представители — ученые.

### **Благодарности**

Сердечно благодарю коллег из Кабардино-Балкарии, Башкортостана, Татарстана, Тувы, а также Казахстана, кто ознакомился с текстом рукописи статьи, высказал свои ценные замечания, предложения, и дал дополнения. Наши обсуждения отдельных вопросов фактически стали началом научной дискуссии относительно идей статьи, и, я надеюсь, что публикация — станет ее продолжением.

### *СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ*

Аббасов, Н. (2017) Организация объединяющая культуры тюркских народов // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире : Материалы I Международной научной конференции, Казань, 12–15 апреля 2017 года / сост. Г. К. Мансурова. Казань : Ак Буре. 554 с. С. 4–7.

Абжанов, Х. М. (2015) Древние тюрки и современные тюркские народы Центральной Азии: истоки историко-духовной общности // Мир Большого Алтая. № 1. С. 12–20.

Аватков, В. (2014) Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. No 3. С. 71–78.

Аватков, В. А. (2019) Идеино-ценностный фактор в тюркских государствах постсоветского пространства // Мировая политика. № 4. С. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2019.4.31235>

Азербайджанцы (2017) / отв. ред. А. Мамедли, Л. Т. Соловьева. М. : Наука. 708 с.

Акрамов, Н. М. (1963) Выдающийся русский востоковед В. В. Бартольд. Научно-биографический очерк. Душанбе : б. и. 112 с.

Аязбеков, С. А. (2023) Буддизм и тюркская цивилизация: межкультурный и социально-политический дискурс // Republica Literaria. Т. 4. № 3. С. 162–173. DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.3.162-173>

Бартольд, В. В. (1968) Сочинения : в 9 т. М. : Наука. Т. V. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. 757 с.

Бартольд, В. В. (2002) Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Восточная литература. 757 с.

Бахтиреева, У. М., Валентинова, О. И., Рыбаков, М. А. (2019) Факторы типологической комплементарности славянских и тюркских языков в свете системной лингвистики и этнологии // Филологические науки. № 3. С. 21–30. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>

Бахтиреева, У. М., Валентинова, О. И. (2022) Особенности «языкового мышления» с позиций системной лингвистики // Russian Journal of Linguistics. Т. 26. № 1. С. 224–244. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>

Башкиры (2015) / отв. ред. Р. Г. Кузеев, Е. С. Данилко. М. : Наука. 662 с.

Благова, Г. Ф. (2012) История тюркологии в России (вторая половина XIX — начало XX в.) : в 2-х ч. М. : Восточная литература РАН. 310 с.

Боргоякова, Т. Г., Гусейнова, А. В. (2017) Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан : Хакасский гос. унив. им. Н. Ф. Катанова. 136 с.

Бухарова, Г. Х. (2010) Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивый и концептуальный анализ. Уфа : Вагант. 352 с.

Вежбицкая, А. (2011) Семантические универсалии и базисные концепты. М. : Языки славянских культур. 568 с.



Губогло, М. Н. (2005) Этноязыковая и этнодемографическая панорама тюркского мира России // Русский язык в тюрко-славянский этнокультурных взаимодействиях / сост. А. Д. Коростелев, отв. ред. М. Н. Губогло. М. : Старый сад. 447 с. С. 12–53.

Джусупов, М. (2014) Русский и тюркские языки // *Studia Rossica Posnaniensia*. № 39. С. 40–48. DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2014.39.3>

Евразийство: ключевые идеи, ценности, политические приоритеты (2007) / А. В. Иванов, Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев, М. Ю. Шишин. Барнаул : Азбука. 243 с.

Закиев, М. З. (2011) Глубокие этнические корни тюркских народов. Астана : Кантана Пресс. 400 с.

Кабжанов, А. Т. (2019) Тенгрианство — основа национальной самоидентификации казахов // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Бишкек, Кыргызстан, 21–22 июня 2019 года / отв. ред. Л. Федорова. Бишкек, Кыргызстан: Международный фонд исследования Тенгри (МФИТ). 360 с. С. 138–141.

Кабо, Р. (1947) Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Вып. 5. С. 5–32.

Карачаевцы. Балкарцы (2014) / отв. ред. М. Д. Каракетов, Х.-М. А. Сабанчиев. М. : Наука. 815 с.

Керимли, В. Г., Гайбулова Н. В. (2020) Культура тюркских народов Кавказа: концептуальный подход // Евразийский союз ученых. № 6. С. 32–36.

Кляшторный, С. Г. (1981) Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // Тюркологический сборник. 1977 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Главная редакция восточной литературы. 298 с. С. 117–138.

Кононов, А. Н. (1974) Некоторые итоги развития советской тюркологии и задачи советского комитета тюркологов // Советская тюркология. № 2. С. 3–12.

Кыргызы (2016) / отв. ред. А. А. Асанканов, О. И. Брусина, А. З. Жапаров. М. : Наука. 623 с.

Ламажаа, Ч. К. (2018) Национальный характер тувинцев. СПб. : Нестор-История. 240 с.

Ламажаа, Ч. К. (2020) Единство и своеобразие современных этнических культур народов Центральной Азии: три исследовательских проблемных поля // Новые исследования Тувы. № 4. С. 201–216. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>

Ламажаа, Ч. К. (2021) Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация тувинцев // Новые исследования Тувы. № 3. С. 178–194. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>

Ламажаа, Ч. К. (2023) Концепты культуры: форма, идея, социальная регуляция // Новые исследования Тувы. № 1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>

Ламажаа, Ч. К., Каиржанова, А. Т. (2025) Башкы: обращение, наставничество и социальные отношения // Новые исследования Тувы. № 1. С. 5–25. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>

Мамедов, Н. М. (2017) Основания единства и многообразия Тюркской культуры // Этносоциум и межнациональная культура. № 9 (111). С. 148–155.

Мельников, Г. П. (2003) Системная типология языков: принципы, методы, модели. М. : Наука. 395 с.

Насилов, Д. М. (2009) Российская тюркология наших дней // Российская тюркология. № 1. С. 3–7.

Попков, Ю. В. (2023) Этнокультурный неотрадиционализм: рефлексивно-интеграционная теоретическая модель // Этнография. № 3. С. 203–223. DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2022) «Затерянный мир»: тувинская культура в центр-периферийной интерпретации геокультурного и социокультурного пространства // Новые исследования Тувы. № 1. С. 225–236. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>

Потапов, Л. П. (1978) Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов // Этнография народов Алтая и Западной Сибири / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука. 226 с. С. 50–64.

Проблема междисциплинарности в контексте реформ российской науки. Материалы «круглого стола» (2016) // Философия науки и техники. Т. 21. № 1. С. 5–35.

Райхл, К. (2008) Тюркский эпос : традиции, формы, поэтическая структура. М. : Восточная литература. 383 с.

Российская нация : Становление и этнокультурное многообразие (2011) / под ред. В. А. Тишкова. М. : Наука. 462 с.

Севастьянов, И. В. (2023) Кряшены: православные в тюркском мире. М. : ИЭА РАН. 304 с.



Стеблева, И. В. (1972) К реконструкции древнетюркской религиозно-мифологической системы // Тюркологический сборник. 1971 / отв. ред. А. Н. Кононов. М. : Главная редакция восточной литературы. 296 с. С. 213–226.

Тишков, В. А. (2013) Российский народ: история и смысл национального самосознания. М. : Наука. 649 с.

Ткаченко, А. А. (1996) Тюркские народы: возрождение или развитие // Этнографическое обозрение. № 4. С. 65–75.

Тувинцы: родные люди (2022) / Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии, Ш. Ю. Кужугет, Ш. Б. Майны; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тува. Родная земля (2023) / Ламажаа Ч. К., Сувандии Н. Д., Кужугет Ш. Ю., Майны Ш. Б., Санчай Ч. Х.; под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Туровский, Р. Ф. (1998) Культурные ландшафты России. М. : Институт наследия. 210 с.

Тюркские языки в евразийском пространстве: современное состояние, тенденции и перспективы (2012) / Н. Ж. Шаймерденова, Д. М. Насилов и др. Астана : Сарыарка. 367 с.

Тюркские языки и этносы: языковые и этнодемографические процессы (2015) / Э. Д. Сулейменова, Н. Ж. Шаймерденова, Д. М. Насилов и др. Алматы : Қазақ университеті. 381 с.

Фохриева, Л. М., Давлетшина, Л. Х. (2021) К вопросу классификации мифологических персонажей турецкого фольклора // Тюркологические исследования. № 4 (1). С. 7–20.

Федорова, Л. В. (2017) Возрождение тенгризма как религиозного учения в наши дни // Тенгрианство и эпическое наследие народов Евразии: истоки и современность : сборник статей VI-й Международной научно-практической конференции, Астана, Казахстан, 14–16 июня 2017 года / отв. ред. Л. В. Федорова. Астана : ТОО «Мастер По». 509 с. С. 404–411.

Федорова, Л. В. (2023) Тенгризм. Якутск : Издательский дом СВФУ. 596 с.

Червоная, С. М. (1999) Тюркский мир в центре Северного Кавказа: парадоксы этнической мобилизации. М. : ЦИМО. 326 с.

Чуваши (2017) / отв. ред. В. П. Иванов, А. Д. Коростелев, Е. А. Ягафова. М. : Наука. 654 с.

Шаманов, И. М. (1982) Древнетюркское верховное божество Тенгри (Тейри) в Карачае и Балкарии // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии / отв. ред. Е. П. Алексеева. Черкесск : Карачаево-Черкес. НИИ истории, филологии и экономики. 224 с. С. 155–170.

Этническое и религиозное многообразие России (2017) / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН. 551 с.

Jordan, T., Rowntree, L. (1986) *The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography*. New York : Longman. 455 p.

Sauer, K. (1925) *Morphology of Landscape* // *University of California Publications in Geography*. Vol. II, no. 2. P. 19–54.

Sauer, K. (1927) *Recent Developments in Cultural Geography* // *Recent Developments in the Social Science*. Ed. by E. C. Hayes. New York : Lippincott. 428 p. P. 154–212.

Дата поступления: 12.03.2025 г.

Дата принятия: 20.05.2025 г.

#### REFERENCES

Abbasov, N. (2017) Organization uniting cultures of Turkic peoples. In: *Traditional Culture of the Turkic Peoples in a Changing World: Proceedings of the I International Scientific Conference, Kazan, 12–15 April 2017*, ed. G. K. Mansurova. Kazan, Ak Bure. 554 p. Pp. 4–7. (In Russ.)

Abzhanov, Kh. M. (2015) Ancient Turks and modern Turkic peoples of Central Asia: origins of historical and spiritual community. *Mir Bol'shogo Altaya*, no. 1, pp. 12–20. (In Russ.)

Avatkov, V. (2014) Neo-Osmanism: basic ideological theme and geostrategy of Turkey. *Svobodnaya mysl'*, no. 3, pp. 71–78. (In Russ.)

Avatkov, V. A. (2019) Ideological and value factor in Turkic states of the post-Soviet space. *Mirovaya politika*, no. 4, pp. 1–12. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25136/2409-8671.2019.4.31235>

*The Azerbaijanis* (2017), ed. by A. Mamedli, L. T. Solovyeva. Moscow, Nauka. 708 p. (In Russ.)

Akramov, N. M. (1963) *Outstanding Russian orientalist V. V. Bartold. Scientific-biographical essay*. Dushanbe, s. n. 112 p. (In Russ.)



- Ayazbekov, S. A. (2023) Buddhism and Turkic civilization: intercultural and socio-political discourse. *Respublica Literaria*, vol. 4, no. 3, pp. 162–173. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.47850/RL.2023.4.3.162-173>
- Bartold, V. V. (1968) *Works*, vol. 5: Works on history and philology of Turkic and Mongolian peoples. Moscow, Nauka. 757 p. (In Russ.)
- Bartold, V. V. (2002) *Works on history and philology of Turkic and Mongolian peoples*. Moscow, Vostochnaya literature. 757 p. (In Russ.)
- Bakhtikireyeva, U. M., Valentinova, O. I. and Rybakov, M. A. (2019) Factors of typological complementarity of Slavic and Turkic languages in the light of systemic linguistics and ethnology. *Filologicheskiye nauki*, no. 3, pp. 21–30. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.3-19.021>
- Bakhtikireyeva, U. M. and Valentinova, O. I. (2022) Features of “language thinking” from the standpoint of systemic linguistics. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 26, no. 1, pp. 224–244. DOI: <https://doi.org/10.22363/2687-0088-30149>
- Bashkirs* (2015), ed. by R. G. Kuzeev, E. S. Danilko. Moscow, Nauka. 662 p. (In Russ.)
- Blagova, G. F. (2012) *History of Turkology in Russia (second half of the 19th — beginning of the 20th century)*. Vol. 2. Moscow, Vostochnaya literatura RAN. 310 p. (In Russ.)
- Borgoyakova, T. G. and Guseynova, A. V. (2017) *Status and functioning of Turkic languages of Southern Siberia*. Abakan, Khakass State University named after N. F. Katanov. 136 p. (In Russ.)
- Bukharova, G. Kh. (2010) *Bashkir folk epic “Ural-Batyr”: cognitive-discursive and conceptual analysis*. Ufa, Vagant. 352 p. (In Russ.)
- Vezhbickaya, A. (2011) *Semantic universals and basic concepts*. Moscow, Yazyki slavjanskykh kul'tur. 568 p. (In Russ.)
- Guboglo, M. N. (2005) Ethnolinguistic and ethnodemographic panorama of the Turkic world of Russia. In: *Russian language in Turkic-Slavic ethnocultural interactions*, ed. by M. N. Guboglo. Moscow, Stary Sad. 447 p. Pp. 12–53. (In Russ.)
- Dzhusupov, M. (2014) Russian and Turkic languages. *Studia Rossica Posnaniensia*, no. 39, pp. 40–48. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14746/strp.2014.39.3>
- Eurasianism: Key ideas, values, political priorities* (2007) / A. V. Ivanov, Yu. V. Popkov, E. A. Tyugashev, M. Yu. Shishin. Barnaul, Azbuka. 243 p. (In Russ.)
- Zakiev, M. Z. (2011) *Deep ethnic roots of Turkic peoples*. Astana, Kantana Press. 400 p. (In Russ.)
- Kabzhanov, A. T. (2019) Tengrism — the basis of national self-identification of Kazakhs. In: *Tengrism and epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity*: collection of articles of the VII International Scientific-Practical Conference, Bishkek, Kyrgyzstan, 21–22 June 2019, ed. L. Fedorova. Bishkek, International Foundation for Tengri Research (IFTR). 360 p. Pp. 138–141. (In Russ.)
- Kabo, R. (1947) Nature and man in their mutual relations as an object of socio-cultural geography. *Voprosy geografii*, no. 5, pp. 5–32. (In Russ.)
- Karachay and Balkar peoples* (2014), ed. by M. D. Karaketov and Kh.-M. A. Sabanchiev. Moscow, Nauka. 815 p. (In Russ.)
- Kerimli, V. G. and Gayburova, N. V. (2020) Culture of the Turkic peoples of the Caucasus: a conceptual approach. *Eurasian Union of Scientists*, no. 6, pp. 32–36. (In Russ.)
- Klyashtorny, S. G. (1981) Mythological plots in ancient Turkic monuments. In: A. N. Kononov (ed.), *Turkological Collection. 1977*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 298 p. Pp. 117–138. (In Russ.)
- Kononov, A. N. (1974) Some results of the development of Soviet Turkology and tasks of the Soviet Turkological Committee. *Sovetskaya turkologiya*, no. 2, pp. 3–12. (In Russ.)
- Kyrgyz* (2016), ed. by A. A. Asankanov, O. I. Brusina and A. Z. Zhaparov. Moscow, Nauka. 623 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2018) *National character of Tuvans*. Saint Petersburg, Nestor-History. 240 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K. (2020) Unity and peculiarity of contemporary ethnic cultures of the peoples of Central Asia: three research problem fields. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 201–216. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.14>
- Lamazhaa, Ch. K. (2021) Tuva as a limitrophe zone: language, religion and identification of Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 178–194. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2021.3.14>
- Lamazhaa, Ch. K. (2023) Concepts of culture: form, idea, social regulation. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 6–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.1>



- Lamazhaa, Ch. K. and Kairzhanova, A. T. (2025) *Bashky: address, mentorship and social relations*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 5–25. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2025.1.1>
- Mamedov, N. M. (2017) Foundations of unity and diversity of Turkic culture. *Ethnosocium i mezhdunarodnaya kultura*, no. 9 (111), pp. 148–155. (In Russ.)
- Melnikov, G. P. (2003) *System typology of languages: principles, methods, models*. Moscow, Nauka. 395 p. (In Russ.)
- Nasilov, D. M. (2009) Russian Turkology of our days. *Rossiyskaya turkologiya*, no. 1, pp. 3–7. (In Russ.)
- Popkov, Yu. V. (2023) Ethnocultural neotraditionalism: reflexive-integrative theoretical model. *Etnografiya*, no. 3, pp. 203–223. (In Russ.) DOI: [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3\(21\)-203-223](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-3(21)-203-223)
- Popkov, Yu. V. and Tyugashev, E. A. (2022) The lost world: Tuvan culture in center-periphery interpretation of geocultural and sociocultural space. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 225–236. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.15>
- Potapov, L. P. (1978) Ancient Turkic features of sky worship among the Sayan-Altai peoples. In: A. P. Okladnikov (ed.), *Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia*. Novosibirsk, Nauka. 226 p. Pp. 50–64. (In Russ.)
- Problem of interdisciplinarity in the context of reforms of Russian science. Proceedings of the “round table” (2016). *Filosofiya nauki i tekhniki*, vol. 21, no. 1, pp. 5–35. (In Russ.)
- Reichl, K. (2008) *Turkic epic: traditions, forms, poetic structure*. Moscow, Vostochnaya literatura. 383 p. (In Russ.)
- Russian nation: formation and ethnocultural diversity* (2011), ed. by V. A. Tishkov. Moscow, Nauka. 462 p. (In Russ.)
- Sevastyanov, I. V. (2023) *Kryashens: Orthodox in the Turkic world*. Moscow, IEA RAN. 304 p. (In Russ.)
- Stebleva, I. V. (1972) On reconstruction of the ancient Turkic religio-mythological system. In: A. N. Kononov (ed.), *Turkological Collection. 1971*. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury. 296 p. Pp. 213–226. (In Russ.)
- Tishkov, V. A. (2013) *Russian people: history and meaning of national self-consciousness*. Moscow, Nauka. 649 p. (In Russ.)
- Tkachenko, A. A. (1996) Turkic peoples: revival or development. *Etnograficheskoye obozrenie*, no. 4, pp. 65–75. (In Russ.)
- Tuvans: Native People* (2022) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy; ed. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.)
- Tuva: Native Land* (2023) / Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii, Sh. Yu. Kuzhuget, Sh. B. Mainy, Ch. Kh. Sanchay; ed. Ch. K. Lamazhaa, N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-History. 344 p. (In Russ.)
- Turovsky, R. F. (1998) *Cultural landscapes of Russia*. Moscow, Institute of Heritage. 210 p. (In Russ.)
- Turkic languages in the Eurasian space: current state, trends and prospects* (2012) / N. Zh. Shaimerdenova, D. M. Nasilov et al. Astana, Saryarka. 367 p. (In Russ.)
- Turkic languages and ethnoses: linguistic and ethnodemographic processes* (2015) / E. D. Suleimenova, N. Zh. Shaimerdenova, D. M. Nasilov et al. Almaty, Kazakh University. 381 p. (In Russ.)
- Fakhriyeva, L. M. and Davletshina, L. Kh. (2021) On the classification of mythological characters in Turkish folklore. *Turkologicheskie issledovaniya*, no. 4 (1), pp. 7–20. (In Russ.)
- Fedorova, L. V. (2017) Revival of Tengriism as a religious doctrine nowadays. In: *Tengrism and epic heritage of the peoples of Eurasia: origins and modernity*: collection of articles of the VI International Scientific-Practical Conference, Astana, Kazakhstan, 14–16 June 2017, ed. L. V. Fedorova. Astana, Master Po. 509 p. Pp. 404–411. (In Russ.)
- Fedorova, L. V. (2023) *Tengrism*. Yakutsk, Publishing House of SVFU. 596 p. (In Russ.)
- Chervonnaya, S. M. (1999) *Turkic world in the center of the North Caucasus: paradoxes of ethnic mobilization*. Moscow, TsIMO. 326 p. (In Russ.)
- Chuvash* (2017), ed. by V. P. Ivanov, A. D. Korostelyov, E. A. Yagafova. Moscow, Nauka. 654 p. (In Russ.)
- Shamanov, I. M. (1982) Ancient Turkic supreme deity Tengri (Teiri) in Karachay and Balkaria. In: E. P. Alekseeva (ed.), *Problems of archaeology and ethnography of Karachay-Cherkessia*. Cherkessk, Karachay-Cherkess NII of history, philology and economics. 224 p. Pp. 155–170. (In Russ.)
- Ethnic and religious diversity of Russia* (2017), ed. by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov. Moscow, IEA RAN. 551 p. (In Russ.)
- Jordan, T., Rowntree, L. (1986) *The Human Mosaic. A Thematic Introduction to Cultural Geography*. New York, Longman. 455 p.
- Sauer, K. (1925) Morphology of Landscape. *University of California Publications in Geography*, vol. II, no. 2, pp. 19–54.



Sauer, K. (1927) Recent Developments in Cultural Geography. In: *Recent Developments in the Social Science*. Ed. by E. C. Hayes. New York, Lippincott. 428 p. Pp. 154–212.

*Submission date: 12.03.2025.*

*Acceptance date: 20.05.2025.*